

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 11 Nov 2023
<https://cajipc.centralasianstudies.org>

Образ И Бунина В Повести «Трава Забвения»

Камолова Гулчирой Отабек кизи

преподаватель, кафедра педагогики, психологии и языков, Ташкентская Медицинская Академия

Received 19th Sep 2023, Accepted 21th Oct 2023, Online 13th Nov 2023

Аннотация

«Трава забвенья» — автобиографическая повесть Валентина Катаева. Особое место занимает Бунин и в сочинениях Катаева позднего (мовистского) периода. Бунин представлен здесь прежде всего как реальный наставник молодого поэта. В 1967 году он становится героем повести «Трава забвенья». Повесть посвящена 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Ключевые слова: повесть «Трава забвенья», Бунин и Маяковский, революция.

В повести «Трава забвенья» ретроспективно представлены воспоминания героя, осмысление событий, происходивших в начале XX века; размышления о судьбах и творчестве как собственном, так и других писателей, художников, поэтов, творивших в данный исторический период. Как отмечает Т. В. Филат, «писатель, передавая, создавая восприятие пространства и времени у своих aukторов («организаторов описываемого мира художественного произведения»), воссоздает определенный менталитет эпохи, сознательно- бессознательное отношение к этим бытийным категориям у своих персонажей».

Так, в повести «Трава забвенья» очевидно сознательное отношение автора к категориям времени и пространства, более того, они являются предметом его рефлексии: «По отношению к прошлому будущее находится в настоящем. По отношению к будущему настоящее находится в прошлом». Отметим, что далее повествователь замечает: «Так где же нахожусь я сам? Неужели для меня теперь нет постоянного места в мире? Или ”теперь” – это то же самое, что “тогда”?».

Б. Ли Уорф, полагает, что все три модуса времени – прошлое, настоящее и будущее, включенные в единый поток сознания, «существуют нераздельно», а так как в сознании есть «чувственная» и «нечувственная» стороны восприятия, то «чувственную, куда включено «то, что мы видим, слышим, осязаем, – мы можем назвать the present (настоящее), другую сторону – обширную, воображающую область памяти – обозначить “the past” (прошедшее), а область веры, интуиции и неопределенности – “the future” (будущее). Но и чувственное восприятие, и память, и предвидение – все это существует в нашем сознании вместе...». Отметим, что в центре внимания героя-нарратора прежде всего писательская среда.

Ключевыми фигурами здесь становятся И. А. Бунин и В. В. Маяковский, занимающие в восприятии «ауктора» антиномичные, но равноправные позиции: «...Бунин? При нем я боялся даже произнести кощунственную фамилию Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга. Однако они оба стоят рядом в моей памяти, и ничего с этим не поделаешь». В связи с вышесказанным, необходимо представить оппозицию временных и пространственных координат, гомологичных по отношению к центральным фигурам повествования: ауктору, Бунину, Маяковскому. «У них обоих учился я видеть мир – у Бунина и у Маяковского... Но мир-то был разный», – отмечает герой. Через топос и хронос возникает характеристика героев. Ж. Женетт полагает, что пространство в литературе – это не только изображаемое («означаемое»), но и «означающее». Этой точки зрения придерживается и Ю. Лотман.

«Трава забвенья» представляет сложное, архитектурно многоплановое произведение. Есть большая доля вероятности, что Катаев в этой книге вступает в неявную полемику с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго» – с той концепцией жизни и преодоления смерти, которая реализована через оппозицию «Живаго / Стрельникова». У Катаева в центре внимания также оказываются два антипода – Бунин и Маяковский. Бунин выступает в «Траве забвенья» тем самым человеком, который «...обладает гениальной зоркостью к окружающему миру».

Услышав впервые бунинское стихотворение с описанием чайки (сравнение ее с поплавком, и совершенно телескопическое наблюдение – «и видно, как струю серебристой / сбегает с лапок розовых вода»), лирический герой, начинающий стихотворец, испытывает потрясение. От Бунина герой-повествователь берет «внутреннее ощущение жизни как поэзии», учится его «волшебному реализму» (если рассматривать магический реализм как «...стиль художественного и литературного жанра, который рисует реалистичный взгляд на современный мир, а также добавляет волшебные элементы. Иногда его называют фабулизмом в отношении условностей басен, мифов и аллегорий»).

Отношение героя к Бунину – неизменно почтительное, но почти всегда смешанное с иронией. Вот как, например, описывается первый выход великого писателя: «И на пороге террасы, пристегивая заграничные подтяжки, появился сам “академик” Бунин... Перед нами предстал сорокалетний господин, сухой, желчный, щеголеватый, с ореолом почетного академика по разряду изящной словесности. Потом уже я понял, что он не столько желчный, сколько геморроидальный. Но это несущественно». («Геморроидальный цвет лица» – скрытая отсылка к гоголевскому Акакию Акакиевичу.) Показателен и другой эпизод: когда Бунин решает угостить гимназиста Катаева компотом, говоря, что вообще эти молодые юноши очень влюбчивы, сил тратят много и их надо подкармливать. При этом Бунин четко делит гуцу компота на дне кастрюли на две половины, «строгим голосом потребовав от меня, чтобы я не заезжал за демаркационную линию, хотя она имела скорее символическое значение». А вот как описывается бунинское изложение своих впечатлений от скрябинской «Поэмы Экстаза»: «Бунин сделал злое лицо и, не стесняясь, завизжал на всю квартиру – Иоанн, ты совершенно обезумел! – воскликнула Вера Николаевна, вбегая в комнату и затыкая уши мизинцем».

Как видим, любовь к Бунину лишена пietetа, в ней даже есть черты некоторой фамильярности.

«Потом я слышал, что глаза у Бунина были прелестно-голубые, но я этого не заметил. Хотя вполне допускаю». Так начинается знакомство Катаева со своим главным учителем. Хотя, наверное, знакомство с великим литератором началось задолго до их первой встречи, когда Катаев прочел стихотворение Бунина о море, и ему вдруг открылась простейшая тайна поэзии. Молодой поэт со своим другом протянули Бунину тетради со своими сочинениями. Заумные стихотворения Дитрихштейна были сразу же забракованы: «заумное, по ту сторону ума, то есть глупость», а вот стихи второго поэта приглянулись мастеру, и он пригласил молодого Катаева побеседовать. Бунин пытался найти в стихах, где верно, остальное не имело значения. Поражала способность Бунина выхватывать суть, воссоздавать образы самыми простыми словами. Удачных стихотворений на всю толстую тетрадь оказалось всего два. Бунин проводил юношу, дав лишь одно напутствие – «поэзия – это ежедневный труд». В ежедневных упражнениях Катаев вдруг находит образ девочки, который он пронесет через всю жизнь.

Но вдруг происходит кое-что еще – Катаев, воспитанный на классике, ученик Бунина, вдруг начинает слышать и понимать футуристические стихи. Его разочаровал совет Бунина не печататься, потому что потом будет за это стыдно, естественно, молодой человек не послушался, и его можно понять.

Началась война, и новое свидание с Буниным произошло только спустя четыре года. Это был уже другой, незнакомый Бунин, почти эмигрант, уже ощутивший на себе гибель России. Его стихи уже были проникнуты ужасом, отчаяньем, покорностью. Было даже что-то странное в их свидании: русский офицер идет рядом с русским писателем, бежавшим из своей страны. И вдруг в эту напряженную атмосферу южного вечера врывается Маяковский и его «закройте, закройте глаза газет», и вечер уже перестает быть просто теплым и просто южным, он превращается в вечер, «убитый немцами». Маяковский и Бунин взаимно исключали друг друга, но в сознании автора они стоят рядом, и ничего с этим уже не поделаешь. Так начался новый двухлетний период общения с Буниным, который закончился, когда он решил навсегда покинуть родину. Катаев стал настолько близок к дому писателя, что он, не стесняясь, ругался при молодом поэте со своей женой. Все с нарастающим нетерпением ждал Катаев нового и нового свидания с учителем. Бунин был уже не просто певцом русской деревни, но и автором потрясающих рассказов «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Сны Чанга» (таких «нерусских» русских рассказов), это сразу же исключило возможность восприятия его общественностью как великого поэта. Моментом наиболее интимного сближения с Буниным Катаев называет поедание голубцов и компота из одной посуды. В тот вечер двое поэтов засиделись допоздна, и Бунин читал свои стихи, чего ранее не делал, и Катаев почувствовал, что Бунин похож на человека, который потерял много крови. Это было чувство потери родины. А потом однажды Бунин пришел к Катаеву домой, из чувства простого любопытства. Катаев продолжал приносить Бунину свое творчество, молодой автор старался насильно быть нетривиальным, как в случае с выдумкой интересной профессии декоратора для своего героя. Когда Бунин не оценил выдумки, Катаев со злости сделал своего героя простым студентом.

Однажды Бунин публично читал свой рассказ «Сны Чанга». Публика не собралась, однако, несмотря на это и стрельбу за окнами, люди были в восторге после прочтения. В тот же вечер Бунин

назвал «Двенадцать» Блока декадентской чушью, а Катаев признался себе, что, хотя уже в тот момент полюбил Блока, до осознания революции еще не дорос. Некоторое «время вперед» Катаев начал осознавать неприятную правду о своем учителе – Бунин бежал от революции, испугавшись ее. Здесь намечалась огромная пропасть между ними. Катаев был сыном революции, «плохим, но сыном». Бунин старел и превращался в того самого злого старика, каким его представляли малознакомые люди. Однажды он даже разозлился настолько, что закричал: «Ненавижу вашего Достоевского», обвинив его во всем, что произошло с Россией.

Особое место в повести занимает следующий эпизод: Катаев в Париже, но Бунина не застаёт. Хотя жизнь его была пронизана мечтой встретить Бунина еще раз, этого не происходит. Бунин хотел быть свободным от обязательств по отношению к обществу. Для него творчество перестало быть борьбой, превратившись в гимнастику воображения. Позже Катаев встретился с Верой Николаевной и узнал, как ушел из жизни великий человек – Бунин. Седьмого ноября. «Бигнония. Ода Революции. Четырежды благословленная».

Впрочем, цену этим как бы бунинским высказываниям определяет сам автор, постоянно ссылающийся на преклонный возраст, забывчивость, а так же новый художественный метод, предполагающий свободный монтаж ассоциаций и вторичное переживание прошлого, которое то ли было, то ли нет. Так, после очередного учительского монолога и цитирования чужих стихов (они в «Траве забвенья» даются не столбиком, но и «в строчку», как если иное агрегатное состояние текстов Блока, Бунина, Мандельштама или Маяковского автоматически корректирует их авторство), Катаев пишет: «Память не сохранила подробностей нашей беседы. Может быть, этой беседы вообще не было...».

Тем более, что уже очень вскоре Бунин (как герой), пока Катаев был болен, «...лежал в сыпняке», уезжает в эмиграцию и как бы пропадает – как из жизни Катаева, так и со страниц «Травы забвенья», чтобы промелькнуть в финале «тенью птицы» – возникнуть могилой на русском кладбище, дабы дать возможность автору произнести такое: «Я понял: Бунин променял две самые драгоценные вещи – Родину и Революцию – на чечевичную похлёбку так называемой свободы и так называемой независимости...»

Литература:

1. Иванова Е. Замысел и стиль повести В. Катаева «Трава забвения» // Метод и мастерство. – Вологда, 1971
2. Смольнякова И. Л. Советская мемуарно-автобиографическая проза 70-х годов. – Вологда, Изд-во ВГУ, 1980.
3. Шайтанов И.О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981.
4. Катаев В. Трава забвенья / Катаев В. П. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 6. Маленькая железная дверь в степе; Святой колодец; Трава забвенья; Кубик. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 429.